

Ренессанс преступности и упадок культуры

Представлять Виктора Сергеевича Розова широкой публике не требуется. Автор пятнадцати прославленных театральных постановок и семи фильмов, среди которых шедевр отечественной кинематографии «Летят журавли», в непростое время показал себя, как убежденный противник курса так называемых реформ. Именно поэтому его не увидишь среди гостей мишурных тусовок и политических шоу. Власть не очень-то жалует тех, кто трезво оценивает ситуацию в стране и не желает участвовать в пропаганде антинародной политики финансовых воротил. И тем не менее имя Розова продолжает быть уважаемым. Многие участники новоявленного бомонда, где предпочитают стыдливо не говорить о Розове, поодиночке, втайне обращаются к прекрасному драматургу с выражением почтения и как бы за очищением души. Повторяется та же история, что и с Сахаровым: до поры до времени честный голос светлого человека слышать не желают - он звучит не в камертон! «СК» с удовольствием предоставляет возможность Виктору Сергеевичу Розову поделиться с нашими читателями своими соображениями о прямой зависимости упадка культуры от роста преступности в стране.

Дореволюционная литература отдала дань теме преступности. Вспомните - босяки Горького и его герои пьесы «На дне», психологический анализ Достоевского смутянов душ из числа разночинцев типа Раскольникова. Находили свое воплощение образы террористов и революционеров-бунтарей в романтической литературе того времени. Наиболее удачные произведения в этом смысле у Леонида Андреева. Но в те годы преступность не имела решающего значения на жизнь общества, которое подчинялось традиционному укладу существования на основе свода законов, апробированного за долгие годы. Во всяком случае единичные случаи убийства рассматривались как события необычайные и запоминающиеся.

Потом была гражданская война, разруха и удивительное время нэпа. В эти годы я уже был подростком и могу говорить, основываясь на собственных воспоминаниях. В период разрухи народ жил очень трудно. Мы питались лебедой и варили суп из древесной коры. Но когда начался нэп, произошло чудо. Прилавки частных лавок наполнились продуктами, как по мановению волшебной палочки. Чего только не лежало на прилавках и, главное, все свое, родного русского производства: добротное и полезное. Но не только это было важно. Все, что продавалось, шло по низким ценам, доступным каждому бедняку. Люди сразу повеселели. У меня сохранились впечатления детской радости от воскресного запаха пирогов после голодных лет лебеды и вареной крапивы.

В это время был тоже всплеск преступности. И он нашел свое отражение в тогдашнем искусстве. РАП-Повская литература воспевала блатную романтику, джаз-банд Утесова подарил обществу «Мурку», Смирнов-Сокольский и братья Скоморовские выступали на эстраде с частушками об уголовной жизни.

Все это было, но не имело определяющего влияния на жизнь и развитие общества.

Народ тянулся к учебе и знаниям, основные интересы людей поглощала культура: открывались музеи, в театрах шли смелые, экспериментальные пьесы, многие из них становились мировым событием, первое кино совдеповской России потрясло мир фильмами Эйзенштейна. Казалось бы, после разрухи, крови и сразу культурный взрыв в литературе, музыке, театре. Пришли такие гиганты, как Шостакович, Дейнека... Возрождение духовности!

Да и сама преступность никакого значения не имела в жизни. В ту пору мне необходим был трудовой стаж: без него не принимали на учебу. Сейчас за учебу надо платить долларами, тогда требовали рабочий стаж! И я из центра Москвы ежедневно добирался до самой окраины, где располагалась текстильная фабрика. После ночной смены приходилось возвращаться пешком в глухую пору. Страха не было. Наоборот, если впереди мелькала фигура прохожего, приходила уверенность защиты от... собак. Собак действительно боялись на ночных улицах.

И еще: то время отличалось высокой степенью нравственности воспитания в семье. Неуклонным требованием моих родителей было оставаться честным человеком при всех условиях! Это я сохранил как заповедь. И изменить ей я уже никогда не смогу. Хотя я прошу понять меня правильно: во все времена были трудные, а подчас и страшные периоды, и закрывать на это глаза в корне неправильно. Но то, что происходит сейчас, уму непостижимо!

Современная Россия пытается доказать себе и всему миру, что она строит капитализм. При этом культивируется самая отвратительная черта периода накопления капитала: быстрая концентрация больших денежных средств путем приобретения их криминальными методами, правительство выбросило крючок с золотой наживкой. Рубль стал самоцелью. Органы массовой информации провозглашают: только ленивый не способен сегодня заработать свой капитал. И призывают вступать в любые криминальные организации, занятые распродажей национальных богатств, созданных вековыми усилиями народа не только советской эпохи, но и еще в царской России!

Деньги вещь важная, за деньги можно приобрести много удовольствий. Но, кроме тела, существует еще и душа! И вот для души одного только накопления далеко недостаточно! Даже для примитивного кругозора утрачено культурного богатства весьма ощутима. Потому что приобщенность к великой и уникальной русской культуре, равной которой нет в мире, вошла в психологию или, как теперь принято называть, в «менталитет» нации. Вообще язык живо отзывается на все изменения в обществе и культуре. Иностранное словечко «киллер» теперь звучит почетнее и чаще, чем уважаемое прежде «художник». Все это не может не вызывать беспокойства за судьбу нашей увядающей культуры, которая медленно вынуждена уступать бездарности, мешанству, полной безвкусице, выдаваемой за новую форму.

Гибельная ситуация поддерживается сверху. Поскольку преступность узаконена и, следовательно, безнаказана, она получила право диктовать обществу свои вкусы и «представления о культуре» в своем понимании.

В народе бытует убеждение, что само правительство криминально. Якобы оно располагает счетами в Швейцарии, виллами на заморских побережьях. Насколько такие утверждения достоверны, мне судить трудно. Но самое ужасное, что я верю. Наблюдая смычку преступных интересов сверху донизу, от распродажи страны до квартирной кражи, уже не удивляешься, что и в искусстве получают «карт-бланш» все, кого раньше и близко не подпустили бы к сцене!

Театр увядает и лишается того блеска, без которого немислимы успех и радость зрителей. Еще живут и чувствуют себя неплохо несколько театров под опекой богатых спонсоров. Их немного. О причинах такого внимания к ним мне сейчас говорить не хочется, но подавляющее большинство театральных коллективов оказалось буквально на задворках. У драматургов появилось новое профессиональное понятие «дешевые пьесы» с минимумом занятых актеров и почти без декораций. Вместо прежних блестящих театральных ансамблей! Конечно, лаконичное искусство тоже имеет право быть представлено на сцене, но не по причине бедности, как теперь, а в силу талантливых находок.

Увы, театры выстроились с протянутой рукой; если дадут деньги, пьеса будет. Нет, значит при таком спринте стоимости жизни самому театру не окупиться. И талантливые режиссеры вынуждены думать не о творческом поиске, а исключительно о деньгах! Как говорит замечательный режиссер Олег Ефремов: «Главное для нас - это выбраться из-под копейки!» Копейка нависла тучей над культурой и душит ее. Копейка превратилась в символ криминального содержания нашей жизни.

Вспомните певца раннего капитализма Редьярда Киплинга. В его поэме «Мэри Глостер» точно отражены криминальные отношения первичного капитала. Но они устремлены на созидание. Сначала открывают производство котлов, потом судостроение. Это логика развития национального капитала. Когда началась перестройка, я был воодушевлен тем, что происходит. Я приветствовал конец безумной бойни в Афганистане и снос Берлинской стены, как провозглашение свободных начинаний. По собственной инициативе я пришел в идеологический отдел ЦК КПСС и сказал - сделайте так, как это было во времена нэпа, забросайте прилавки дешевыми продуктами, чтобы народ почувствовал: кончилось ненавистное время очередей и охоты за колбасой. И вы получите всеобщую поддержку! Как видно, у них были другие задумки, отличные от нэпа.

Но вскоре вообще все изменилось. Пришли им на смену другие люди и заявили - берите суверенитета и капитала сколько влезет! И сразу началось похало!

Вместе с Борисом Николаевичем пришли те, кто озбочен только собственным обогащением. Они не любят свою страну и народ. Они лишены замечательного чувства преданности земле и культуре. Иначе те же прилавки не наполнились бы во вред народному здоровью дрянными продовольственными заменителями, которым наконец-то Запад нашел выгодное применение.

Я живу с дважды раненой душой. Развалом страны и уничтожением ее духовности. Попробуйте переломить прут и веник. Прутик ломается сразу, а вот веник не переломится. Гитлер не дожил до этого времени, иначе его мечта о блиц-криге стала бы реальностью. Нынешние разрозненные республики пали бы под первым ударом!

Уничтожена не только великая страна, но и ее духовность. Мы росли в атмосфере полного интернационализма. На фронте, в батарее, где я служил, существовало только одно чувство: братского товарищества. И глубокий патриотизм. После революции новые символы власти: красный флаг, серп и молот, солнце и колосья порождали веру в будущее и сплачивали народ. Это была идея, сеющая дружбу. Что же теперь, после развала Союза? Давай снова царский флаг и ущербный орел... Мне кажется, все это от скудоумия властей.

Когда нет идеи, объединяющей людей, лихорадочно пытаются найти ей заменитель. Сейчас вроде бы пытаются в религии. Религия во многом помогает очищению духа человека, но она не должна это делать в противовес культуре. Всегда в истории человечества культура и религия дополняли друг друга, и на этом строилось и развивалось высокое искусство. Не может возвышаться одна религия, когда рядом с ней гибнет культура.

Я совершенно не согласен с тем, что сейчас самое подходящее время для строительства муляжа храма Христа Спасителя, когда бедствует народ и считает каждую копейку. В ста шагах от этой стройки погибает храм мудрости - одна из лучших библиотек в мире. В залах дома Пашкова, где многие поколения вкушали от щедрот культуры, сейчас гуляет ветер и метет снег. От этого сжимается сердце у каждого москвича, кто познал одухотворение в легендарных чистилищах бывшей «Ленинки». Туда, к великим книгам, приходили, как в церковь, постоянно омывая душу. Религия пока еще не в состоянии заменить книгу, театр, музыку. Да не должна этого делать!

Только культурные ценности остаются настоящим признаком высокой цивилизованности нации, которую сегодня в России пытаются измерять уровнем жилищности.

Когда я вглядываюсь в сияющие глаза и счастливые лица в зале Московской консерватории или в битком набитом театральном зале, у меня рождается надежда - пока еще не все утрачено народом в собственной культуре. Люди хотят оставаться людьми!

Виктор РОЗОВ.